



ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

1. СКАЗ О ЯРЕ И ЧЕРНАВЕ



Екатерина Кожевникова

МЁД ПОЛЫНИ



Москва
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К58

Иллюстрация на обложке *Zirra*

Иллюстрация на форзаце *ewsays*

Дизайн *Анастасии Грищенко*

Дизайн обложки *Марии Фроловой*

Кожевникова, Екатерина Сергеевна.

К58 Мед полыни / Екатерина Кожевникова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-220358-9

Как начать новую жизнь, если твою семью преследует мстительный дух ведьмы?

Стожар всегда знал, что не похож на прочих жителей деревни, ведь он может видеть умерших. Пока отец наказывает ему забыть о потустороннем мире, юноша тянется к нему лишь сильнее. Когда любимая Стожара оказывается под чарами колдовского сна, ему приходится отправить в темный мир Нави, чтобы не только попытаться спасти ее, но и узнать тайну своего происхождения, которая изменит его жизнь навсегда.

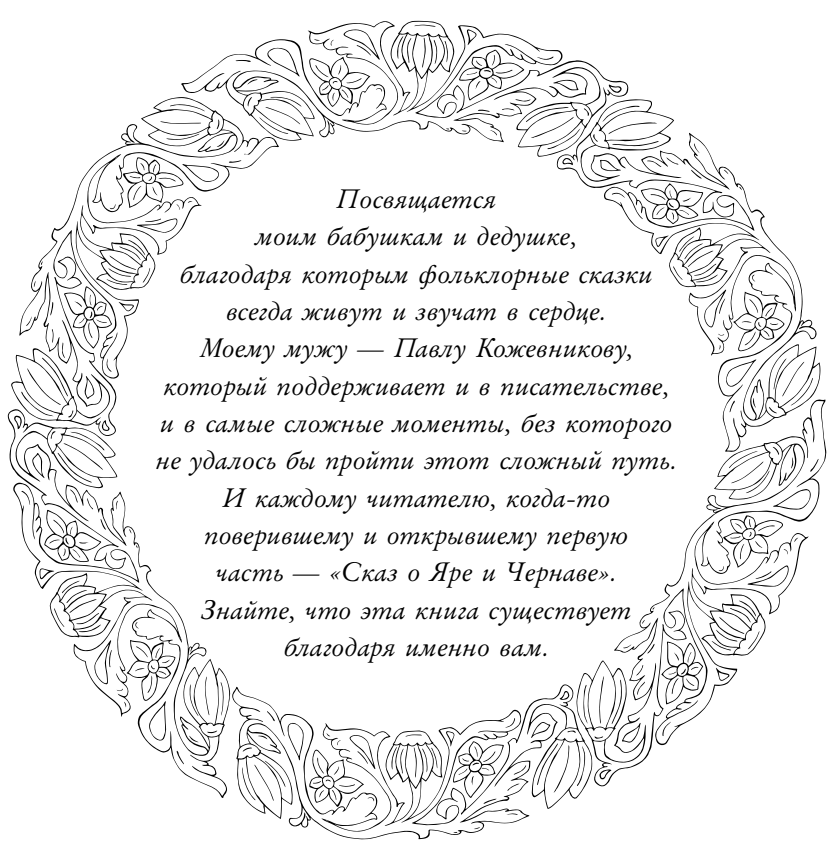
УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кожевникова Е., 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-220358-9



*Посвящается
моим бабушкам и дедушке,
благодаря которым фольклорные сказки
всегда живут и звучат в сердце.
Моему мужу — Павлу Кожевникову,
который поддерживает и в писательстве,
и в самые сложные моменты, без которого
не удалось бы пройти этот сложный путь.
И каждому читателю, когда-то
поверившему и открывшему первую
часть — «Сказ о Яре и Чернаве».
Знайте, что эта книга существует
благодаря именно вам.*





Холодные росинки таяли на глазах, паря в воздухе белесым туманом, извивающимся в золотистой расцветной дымке. Проскакал по небесному своду белый конь утренней зари — поднялось красно солнышко, страшная ночь осталась позади. На выходе из деревни Ярун повстречал знакомого мальчишку-пастуха: тот заметил дым от пожара и поспешил поделиться куском свежего сыра.

Долго ли, коротко ли отправился наш герой куда глаза глядят: сам рыжий, долговязый, с холодным взглядом, через плечо — корзина с младенцем, флягой воды и куском сыра. Постепенно густой темный лес расступился, сменившись полями да речушкой — Ярун вышел к одной из соседних деревень. Сердобольные жители помогли и поделились с погорельцами кто яблоком и крынкой молока с простым куском хлеба, кто старой обувкой и ношенными детскими вещичками, кто веревкой пеньковой. Он каждого поблагодарил за помощь, недолго передохнул и заспешил дальше от родной деревни, изредка останавливаясь в лесу на привалы. Яруна не покидало чувство, будто ледяное ведьмино дыхание догоняет и холодит спину.

Минул день, солнце красное закатилось, опустились на землю холодные сумерки, застигнув путника в редкой рощице у леса. Ярун отыскал крепкий старый дуб, перекинул веревку через ветку и осторожно подтянул корзину с младенцем повыше, а затем забрался сам и привязал себя с люлькой к дереву.





За считанные минуты небо потемнело, развернувшись звездным ковром, словно конь вороной по нему промчался, разметая последние остатки закатных лучей и тепла. Заухали совы, взметнулись в воздух летучие мыши, а ночные тени задвигались меж деревьями. Ярун съежился в комок, устраиваясь удобнее между жесткими ветвями и покачивая люльку. Десятки раз он так же высиживал в ночной засаде с друзьями, выслеживая лошадей перед кражей, высматривая отбившийся скот или замышляя новую шутку, чтобы девок испугать. Но раньше это было забавой, а за компанию с верными друзьями и попасться было нестрашно. Сейчас же угрозой были дикие звери, что могли в ночи напасть, а вокруг — ни души, чтобы позвать на помощь, да и бежать некуда. В одиночку Ярун с жизнью путника справился бы, дури и смелости ему и не на такое хватало. Вот только быть главарем деревенских баламутов и быть отцом — разные вещи, подвергать сына опасности он не мог.

«Куда деваться? Завтра будем искать пристанища у людей. Иначе долго мы не протянем...» — размышлял путник, постепенно проваливаясь в тревожный сон, полный лесных шорохов.



Навь.

Пересекая последнюю границу — мост Калиновый, души попадают в царство, где живым нет места:





там властвуют колдовство и темные силы, там опасные тропы ведут к беспокойным душам мертвецов, или к древним богам, ведающим тайны мира. Там обитают темные отражения живых — зло и боль, что люди мечтают вытеснить из своей жизни. И тянутся к смурному небу бесконечно высокие кривые деревья.

В Нави свои законы: здесь наружу всплывает вся жестокость и неприглядная правда. Навь слепа, но следит за каждым тысячью глаз. Чем дальше погружаешься в нее — тем сложнее оставаться собой и сохранять человеческий облик.

Черная болотистая земля всхлипнула, дрогнула, нарушив привычную замершую тишину, из ниоткуда вдруг появилась нора, из которой выкатилось перепуганное существо.

Ведьма, скрючившись, завывала, кашляла и каталась по серому мху, пытаясь сбить с себя дым и мелкие языки пламени. Убедившись, что огня больше нет, она всхлипнула и приподнялась на локте, осматриваясь.

— Проклятье! Снова Навий лес... — выругалась она, скрипнув желтоватыми зубами и усаживаясь на мокрой земле.

Темные волосы, криво обрезанные у подбородка, растрепались и свисали сальными прядями. Длинные пальцы, словно кривые прутья, но с острыми когтями были перепачканы в крови и грязи. Полу-





прозрачное тело, руки и шею ведьмы опутали тонкие нити, связанные в сотни узлов, мешающие ей свободно двигаться. Грудь и плечи пронзали насквозь десятки острых кинжалов и игл. Из ран сочилась мутная, темная, густая, как кисель, кровь. Она струйкой сползала изо рта и носа по бледной зеленоватой коже, заливая лицо, пачкая остатки рваной одежды, убегая ручейками к мокрой земле. Ведьма щурилась, напряженно всматриваясь в плотные сумерки мертвого леса.

Оживленный непривычно громкими звуками сизый туман заколыхался, задвигался, обретая очертания полупрозрачных фигур. Медленно, как капли первого дождя, из-за стволов начали появляться духи умерших людей, похожие на сгустки дыма, плывущего над землей: некоторые совсем безликие, у других же просматривались черты лица и детали похоронных одежд. С каждым мгновением поляна заполнялась призраками, и уже десятки острых взглядов пронзали новоприбывшую.

— В царстве вечной тишины — да такой грохот? Это редкость. Что бедолага натворила, кто знает? — с интересом двинулась вперед одна из душ, черты лица которой настолько сгладились, что ничего, кроме глаз, не осталось.

— Да, таким уродцем в Навь провалиться — надо сильно постараться, — слышался ехидный женский голос.





— А не эта ли злыдня извела корову моей внучки, чтоб семья голодала всю зиму? — вдруг заколыхалась одна из фигур, похожая на пожилую женщину, тыча в девушку полупрозрачным пальцем.

Призраки беспокойно зашелестели.

— Колдунья, что ли, деревенская?

— Ведьма!

— Ишь, смотри, морда злобная какая...

— Эта! Что там корову, она своими заклятьями на меня хворь наслала и добила! — зачастила вдруг одна из фигур, на вид — немолодая женщина из состоятельной семьи, вся в украшениях и с дорогими бусами.

Чернава обернулась, присмотрелась к призраку богатой женщины и ехидно оскалилась.

— Ах, ты ли это, Лада? Мне жалеть не о чем. Сколько ты моей крови выпила, так теперь уж мой черед настал!

— Мерзкая змеюка, вся в мать! — лицо призрачной женщины исказилось, с громким шипением она ринулась на Чернаву, пролетая через других духов. Две женщины, яростно бранясь, вцепились друг другу в волосы, пытаясь нанести увечья, словно еще оставались живыми.

На поляне поднялся гул, зашелестели хриплые голоса, кольцо духов сжалось плотнее.

— Доколе шумиха будет? Разнимайте их, пусть не нарушают порядок! — возмутился кто-то из толпы.





— Может, не так эта колдунья страшна, разобраться бы...

— Да, щаз, тут и думать не о чем! Злодейка она! Весь год урожай топтала, курей губила, скотину портила...

— Не давайте ведьме спуску!

— Разорвем ее на кусочки, чтоб неповадно было! Пусть апосля себя по Землям забытых собирает, по одной ниточке! — заревела одна из душ и ринулась в драку.

Все, обиженные за себя или потомков, наконец могли поквитаться с вредительницей. Обычно безмолвный Навий лес заходил ходуном, деревья закачались от шума. Вся скопившаяся боль, злоба и ненависть вдруг встретились с другой злобой и ненавистью, готовые разорвать в клочья мертво-серое небо.

Внезапно раздался грозный нечеловеческий рык. Врезаясь в толпу призраков, в самую гущу драки воорвались две звериные фигуры: с жутким лаем и повизгиваниями они начали раскидывать и рвать напавшие души. Из пастей животных капала ядовитая слюна, от которой земля вокруг дымилась, клыки и острые когти хоть и не могли уничтожить духов, но наносили им увечья, которые затягивались с трудом. Испугавшись натиска и ярости зверей, призрачные тени начали отступать, прятаться за деревьями,





поврежденные — растворялись и исчезали. Вскоре поляна расчистилась, осталась лишь одна надломанная скрюченная фигура. Лысые, изломанные, все в шрамах и с вывернутыми конечностями собаки обнюхали девушку и вдруг обрели смутные человеческие очертания. Полулюди с вытянутыми звериными лицами застыли, поскуливая и подобострастно глядя вдаль. Они охраняли покалеченную ведьму, которая дрожала, свернувшись калачиком и пытаясь вновь собрать свое переломанное тело. Из темноты сумеречного леса на поляну беззвучно выплыла прозрачная фигура и наклонилась над ведьмой.

— Сколь ни старалась ты, сколь ни противилась, а все равно оказалась там, где предрекали.

Вздвогнув, Чернава заставила себя открыть глаза, с трудом перевернуться и взглянуть на две звериные фигуры и призрака. Темные зрачки ее расширились, заполняясь ужасом, оставшиеся пальцы вцепились в землю, а в груди льдом застыл хриплый крик.



После долгой и неудобной ночевки на дереве разбуженный с утра криком младенца Ярун смог преодолеть еще несколько часов пути по бурелому, но от усталости уже еле переставлял ноги. Сражаться с ломотой в теле, голодом, комарами и жарой больше не было сил, да еще и ребенка то





качать, то кормить, то успокаивать приходится — Стожар ведь еще совсем несмышленищ, всего полгода недавно минуло.

Давно перевалило за полдень, когда парень набрел на крошечную деревеньку у края леса. Ближе всех стояла маленькая, слегка покосившаяся, но ладная избушка. Во дворе никого не было, но из открытого окна доносился головокружительный запах капустной похлебки. Задыхаясь от усталости, преодолевая боль в спине, Ярун прошел мимо плетня и громко постучал в дверь. Долго никто не отвечал, а затем послышались медленные шаркающие шаги и засов загремел, дверь отворилась, выпуская на улицу ароматный пар.

— Здравствуйте, хозяева добрые! Я путник, ищу ночлега и пристанища, надолго не задержусь. Попрошусь лишь погреться да немного еды, — устало протянул Ярун с надеждой в голосе.

Кто-то настороженно разглядывал путников в тонкую щелку, но лица хозяина было не разглядеть. А затем дверь и вовсе захлопнулась.

Ярун опешил: законы гостеприимства для всех нерушимы и писаны самими Богами, каждый путник ночлега да краюшки хлеба даже у самых скупых хозяев всегда допросится. Равно как и смертельные враги в гостях друг друга ни обидеть, ни убить не имеют права. А иначе как выжить обездоленным и странствующим? Ну, а что теперь поделаешь. Ярун

